

Я был в аду. Или, по крайней мере, мне так показалось, когда я наконец обрел остроту ума, необходимую для обработки визуальной информации.

Это было разумное предположение, поскольку меня окружали грубые хижины из камней и дерева, и все они были охвачены огнем. Густые клубы дыма заволокли воздух прямо надо мной, и, несмотря на то что была ночь, я чувствовал обжигающий жар на своей коже.

Еще были крики, очень много криков. Несомненно, это были крики проклятых. Вокруг меня лежали неподвижные тела, многие тлели, и я чувствовал знакомый запах мертвецов и умирающих.

Да, должно быть, это ад.

На дне Балтийского моря не так уж много огня, и я отчетливо вспомнил свою смерть. Вспомнил звуковые сигналы на радаре, громовой треск торпеды, выбросившей нас из кресел и разбившей лампочки над нашими головами. Вспомнил, как нас бросило в непроглядную тьму, и панику, которую мы все почувствовали, когда ледяная вода быстро намочила наши ноги.

Это была медленная, ужасная смерть. Мы пытались подняться на поверхность, и я почти жалею, что не сделали этого. Ближе к поверхности, но не достаточно близко, давление глубины не смогло сразу же раздавить наше судно, как только оно оказалось под угрозой. Вместо этого вода устремилась внутрь, неуклонно просачиваясь в жестяную банку, которую я любил больше всего на свете. Я всегда обожал воду, и, думаю, обожаю до сих пор. Но чувствовать, как она медленно, дюйм за дюймом, поднимается по моей коже, было равносильно высшему предательству.

Спустя почти полчаса после попадания торпеды я окончательно утонул вместе с остальными членами экипажа. Так что единственным объяснением моего нынешнего положения было то, что я попал в ад. Видит Бог, я, вероятно, заслужил это - подождите, стоит ли мне говорить это здесь? Может, мне стоит попытаться заручиться расположением большого человека?

А, к черту. Я уже был в аду, и я уверен, что проклятых не выпускают раньше времени за хорошее поведение.

Ей-богу, было шумно. И от криков, и от грохота рушащихся зданий, охваченных огнем. Я попытался встать, но обнаружил, что ноги меня не держат; я даже с трудом смог подтянуть их под себя. Раздраженный и запаниковавший, я попытался хотя бы закрыть уши, но у меня не хватало сил поднять руки.

Рядом со мной лежало тело женщины, возможно, когда-то у нее были темные волосы, но теперь они почти все сгорели вместе со скальпом и всей спиной. Видно было, что она судорожно каталась по грунтовой дороге, тщетно пытаясь потушить огонь, что, как мне казалось, должно было сработать. Однако адский огонь, должно быть, неестественно яростен, потому что она умерла с лицом, искаженным в агонии и отчаянии.

Самым странным в этой женщине было то, какой огромной она была. Если бы она стояла, мои глаза доставали бы ей до колена, если не больше. Осмотрев окрестности, я понял, что меня, должно быть, по ошибке отправили в гигантский ад, потому что все вокруг выглядело увеличенным. Двери домов, металлические мангалы вдоль дороги - по иронии судьбы, это единственное, что не горело, - и даже коза, бьющаяся головой о деревянный забор в неистовой попытке убежать, - все было массивным.

Козы в аду. Хм.

Я видел, как в фильмах дьявол изображается в виде козла, так что, возможно, это не так уж странно.

Дым попал в мои дыхательные пути, и я закашлялся. И продолжал кашлять, странно высокочастотный для моих ушей звук. Дыхание становилось все более поверхностным, горло жгло, и я почувствовал вкус крови, когда мое опустошенное горло стало сырým.

Это было ужасно, и я постаралась подавить непроизвольную реакцию. Вскинув подбородок и сжав все мышцы шеи, я попыталась собрать во рту слюну для смазки. Должно быть, я был сильно обезвожен, потому что это заняло много времени.

Разозлившись на себя и свои обстоятельства, я хмуρο оглядел окружающую обстановку. Ад нуждался в том, чтобы кто-то обновил его инфраструктуру. Эта горящая деревня выглядела так, словно была построена в темные века. Может быть, если я скоро увижу демона, то смогу заключить сделку; я не инженер-строитель, но у меня есть базовые знания по механике, которые мне пришлось получить на флоте, и я знал, как делать асфальт. Даже бесчеловечные каратели ада должны уметь видеть пользу в асфальтированных дорогах.

Возможно, я даже увижу ее сейчас. Единственное живое, сознательное существо, которое я пока встречал, медленно ползло ко мне. С такого расстояния трудно было разглядеть, но по его поведению я понял, что он довольно сильно потрясен. Значит, не демон. Выживший?

Мне уже доводилось наблюдать такое поведение, особенно когда я всплыл в первый и единственный раз в латвийских водах. Рига пережила ужасные воздушные налеты, но нам нужно было делать ремонт, и выжившие готовы были на все, чтобы отомстить своим обидчикам, даже на свой страх и риск. Когда они вели нас через разбомбленные жилые дома и осыпавшиеся руины того, что они могли бы считать небоскребами, я видел на их лицах оцепеневшие взгляды непонимания. Взгляды тех, кто не мог даже осознать, какое злодеяние было совершено против них.